

В. ЗЕНЬКОВСКИЙ

Мережковский, его идеи

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865—1940)* — был человек выдающихся дарований, большого литературного таланта, напряженных религиозных исканий, жадно впитывавший в себя все ценные течения современной и античной культуры. Широкое образование, постоянно им наполняемое, делало из него, правда, не ученого, а только дилетанта, но дилетанта высокого качества: Мережковский перечел и изучил бесконечно много книг и специальных исследований, всюду, однако, беря то, что ему нужно, что соответствует его темам. Одна из лучших книг, написанных им, носит характерное заглавие «Вечные Спутники», — здесь собраны его превосходные, часто тончайшие старые этюды о «вечных спутниках», о мировых гениях в области литературы. Мережковский действительно всегда обращен к этим «вечным спутникам», но он остается при этом всегда самим собой, — и именно это и мешает ему быть тем, чем ему очень хочется быть, мешает ему быть настоящим историком. Во всех своих книгах, в которых так много настоящих *bons mots*, удачнейших формул, он всегда *заслоняет собой* того, о ком он пишет.

Мышление Мережковского движется в антитезах, в острых противопоставлениях, — но главная его тема определяется *религиозным противлением* «историческому» христианству. Мережковский чувствует в себе «новое» религиозное сознание, так как

---

* Из сочинений Мережковского, оставляя в стороне его чисто литературные произведения и его многочисленные произведения по истории религии, как «Рождение богов», «Атлантида и Европа» и др. его исторические монографии — мы должны отметить: 1) «Вечные спутники» (Петербург, 1899); 2) «Толстой и Достоевский» (Т. I и II. Петербург); 3) «Грядущий Хам» (Петербург, 1906); 4) «Не мир, но меч» (Петербург, 1908).

в его душе христианство уживается с влечением к античности, к античной культуре. Если Розанов критиковал «историческое» христианство во имя Ветхого Завета, то Мережковский исходит из противопоставления христианства и античности. К этому противопоставлению Мережковский сводит все трудности «исторического христианства», но под влиянием Вл. Соловьева у него позже присоединяется еще искание «христианской общности».

По мысли «Мережковского, «историческое» христианство (т. е. Церковь) отжило свой век, оно было *односторонним* выражением христианского благовестия — ибо не вместило в себя «правды о земле», «правды о плоти». Односторонний аскетизм свойственен христианству по самому его существу: «аскетическое, т. е. *подлинное* христианство, — пишет Мережковский *, — и современная культура *взаимно непроницаемы*». Это отождествление христианства с аскетикой ** нужно Мережковскому, чтобы осмыслить «новое религиозное сознание», — ибо только это последнее и может духовно удовлетворить его. «Отныне, — однажды писал он *** — должна раскрыться во всемирной истории... правда не только о духе, но и о плоти, не только о небе, *но и о земле*». Это было, можно сказать, навязчивой идеей у Мережковского, — ему нужно «новое откровение» ****, к Церкви же как «исторической» форме христианства ему трудно привыкнуть. Отсюда у него не только усиленный акцент на «аскетической неправде» в христианстве, но отсюда и упрямое утверждение «мистической связи самодержавия и православия» *****. Для Мережковского православие настолько слито с русской государственностью, что он просто *забывает* о православии в других странах.

В упомянутых в 1-ой главе Религиозно-Философских Собраниях (инициатива которых принадлежала именно Мережковскому и его единомышленникам) эти два мотива — отождествление исторического христианства с аскетическим отвержением или даже «уничтожением» плоти и убеждение в «мистической» связи самодержавия и православия — повторялись на все лады. С особенным блеском и вдохновением эти темы развивал в своем докладе Тернавцев, яркий и талантливый религиозный мысли-

* «Не мир, но меч». С. 29.

** «Плоть была уничтожена (!) в христианстве». — Там же. С. 28—29.

*** «Грядущий Хам». С. 123.

**** Там же. С. 184.

***** «Не мир, но меч». С. 113.

тель. «Наступает время, — говорил он, — открыть сокровенную христианскую *правду о земле...* общественное во Христе спасение и религиозное призвание светской власти» *. Все это очень характерно как признание *религиозной (хотя и односторонней) правды в секуляризме* (т. е. «правды о земле»); секуляризм и историческое христианство мыслятся здесь как два *полюса одной антиномии, друг друга обуславливающие*. Преодоление этой антиномии мыслится здесь лишь в синтезе ее противоположных начал, и здесь и Мережковский, и Тернавцев, и другие жили романтическими настроениями Вл. Соловьева о «свободной теократии». «Безнадежной противообщественности христианства» ** Мережковский противопоставляет «освященную общественность», которую он часто мыслит уже в тонах анархизма ***. Поэтому Мережковский готов считать «историческое христианство» *бесцерковным*, ибо расцветшая в историческом христианстве «религия уединенной личности» **** не есть вовсе Церковь. «Христианство есть только чаяние и *пророчество* о Богочеловечестве, о Церкви, но само явление Церкви совершится за *пределами христианства*» *****.

Отсюда понятна и любимая схема Мережковского (и под его влиянием и других религиозных искателей этой эпохи — напр., Бердяева в ранний период его религиозной философии) о «Трех Заветах». «Первый Завет — религия Бога в мире; второй Завет Сына — религия Бога в человеке — Богочеловека; третий — религия Бога в человечестве — Богочеловечества». «Отец воплощается в Космосе; Сын — в Логосе; Дух — в соединении Логоса с Космосом, в едином соборном вселенском Существо — Богочеловечестве».

Таковы «чаяния и пророчества» Мережковского и его группы. Это — типичная религиозная романтика, окрашенная очень ярко в «революционно-мистические» тона.

Но рядом с этим «революционно-мистическим возбуждением» религиозный процесс, шедший пока «под спудом» в русском обществе, имел и другую форму — гораздо более выдержанную в тонах религиозного и исторического реализма. Уже в сборнике

* См. протоколы Рел.-Фил. Собраний в журнале «Новый Путь» (1902—1903 г.), а также в отдельном издании.

** «Не мир, но меч». С. 33.

*** «Утверждение *новой религиозной безгосударственной общественности* и есть новое религиозное сознание...». — Там же. С. 207.

**** Там же. С. 37.

***** Там же.

«Проблемы идеализма» (1902 г.) мы находим очень яркое выражение *морального идеализма*, зовущего к духовной трезвости и выводящего на пути серьезного, трудового преобразования жизни. Еще ярче и сильнее эти мотивы прозвучали в замечательном сборнике «Вехи» (2-ое издание в 1909), где наиболее яркой была статья о. С. Булгакова «Героизм и подвижничество». От мистического самоупоения, от безответственной мечтательности и расплывчатых исканий авторы статей в этом сборнике звали к труду, к «подвигу», к историческому реализму...

Мы не будем входить в анализ статей, помещенных в указанных двух сборниках, — тем более, что почти со всеми авторами, принимавшими участие в этих сборниках, нам придется иметь дело в ближайших главах. Обратимся теперь поэтому к изучению построений отдельных философов — и прежде всего к тем двум мыслителям, которые ближе других связаны с религиозно-философским возбуждением, только что очерченным нами: мы говорим о Н. А. Бердяеве и Л. И. Шестове.

